

АКВАДОР: ГЕРОИ УНИЧТОЖЕННЫХ ИМПЕРИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ НЕКРОМАГИЯ

ПРОЛОГ

Карета остановилась, из приоткрывшейся дверцы выглянул старик. Он кивнул долговязому человеку, который, жуя травинку, подпирал стену заброшенного дома. Окинув вечернюю улицу быстрым взглядом, мужчина направился к карете.

— Что скажете, Архивариус? — произнес он, усаживаясь напротив старика и закрывая дверцу.

— Ее настоящее имя — Джаконда Валериус. Не слишком знатный род. — Архивариус пожевал губами, собираясь с мыслями. Говорил он медленно, иногда надолго замолкал. — Обычная девица, должна была выйти замуж, родить детей, потом состариться и умереть. Но прапрадедом Джаконды был Гиз Валериус. Вы, наверно, слышали о нем, Трилист...

Он посмотрел на собеседника слезящимися глазами. Трилист Геб, служивший капитаном городской полицейской стражи, провел ладонью по ежику темных волос, потер лоб. У капитана был прямой хрящеватый нос, круги под глазами и запавшие щеки. Он казался невыспавшимся и усталым.

— Гиз... Черный Гиз? Этот сумасшедший, который...

— Да, Черный Алхимик. А вы никудашно выглядите, капитан. Не спали?

— Уже две ночи.

— Так вот, алхимик держал в страхе селения к югу от города. Его потомки — заурядные обыватели. Но в Джаконде, надо полагать, проснулась кровь прадеда. Кстати, ходили смутные слухи, что у нее была сестра-близнец. Так или иначе, в тринадцать лет, когда ее собрались выдать замуж, Джаконда сбежала. Перед этим отравив своего отчима. Подлила ему что-то в вино. Через какое-то время она стала ведьмой. Сначала — ученицей Зуры Лесной, про которую вы, наверно, тоже слышали. Затем убила учительницу, в схватке с ней потеряла правый глаз, после чего ее и стали называть...

Архивариус надолго умолк, и капитан Геб, не выдержав, заключил:

— ...Одноглазой Джакондой.

— Что? Да, вот именно. У бедняков она не то выкрадывала, не то покупала младенцев, растила и обучала. Жили они в горах Манны, ученики с детства лазали по кручам, людей, кроме Джаконды, они не знали... Ну вот, а теперь их называют «мальчиками-душителями». Сейчас их... семь или восемь? Если задуматься, в Аквадоре такого до сих пор не было. Есть наемники, есть ведьмы и шаманы, есть *чары* — тут все ясно. Но банда Одноглазой Джаконды... Она и ее ученики — наемники, знающие магию. Очень опасное сочетание. Разбойники, которые выполняют всякую грязную работу для тех, кто может заплатить. Помимо этого, они живут ограблениями и убийствами. Сама Джаконда уже мало напоминает человека. Она еще хуже Черного Алхимика, своего прадеда.

— Почему? — спросил Трилист.

— Потому что много лет прожила в Горах Манны. Что вы знаете о манне, капитан?

Трилист пожал плечами.

— Какие-то магические штучки. Я мало смыслю в этом.

— Вот именно, магические. Манна — мягкое темно-синее светящееся вещество, которое иногда находят в горах. Она выступает из скальных трещин. Здесь, в центре Аквадора, она крайне редка и очень дорого стоит. Она... сложно объяснить. В наших цехах манну используют для некоторых опытов, но в крошечных дозах, потому что она выделяет мощную природную магию, которая, если нет надлежащей защиты, влияет на окружающее самым непредсказуемым образом.

— На окружающее? — переспросил Трилист Геб.

— Да, на людей и предметы. На все. Основной источник манны — те самые горы, где поселилась Джаконда с учениками. Больше там никто не живет, ни один человек. Только в предгорьях есть редкие поселения. Насколько я знаю, у вашего тестя где-то там неподалеку родовой замок. Так вот, много лет Джаконда и ее ученики ползали по этим горам, подвергаясь воздействию манны. Теперь они... не совсем люди.

— Ясно, — сказал капитан, помолчав. — Благодарю вас. Хотя, признаться, сведения неутешительные.

— Но вы уверены, что Джаконда и ее мальчики сейчас в Форе?

— Сдается мне, это именно они, Архивариус.

— И как давно, по-вашему, они здесь?

— Два-три дня... Во всяком случае, два дня назад произошло первое исчезновение. Потом пропали еще трое горожан. Потом на одного набросились — ночью, посреди города. Он сумел спастись. Его пытались задушить, в темноте он плохо разглядел нападавшего. Но я видел следы на шее — очень необычные.

— И трупы пропавших вы не нашли...

— Нет.

Старик некоторое время сидел молча. Седая голова его мелко тряслась.

— Странно, — произнес он наконец. — Что ей понадобилось в столице? Джудекса Темно-Красный...

Трилист Геб, уже приоткрывший дверцу, чтобы покинуть карету, вопросительно посмотрел на Архивариуса. Тот пояснил:

— Джудекса, дикий шаман, долгое время живет в Форе... Он пришел сюда, самовольно занял старую башню — и городские магические цеха не стали его выгонять. Не наняли убийц, которые без лишних разговоров прирезали бы его. Это небывалый случай. Что если появление Одноглазой Джаконды как-то связано с Темно-Красным?

Капитан сказал:

— Это вам лучше знать. Кто из нас работает на цеха?

Архивариус укоризненно возразил:

— Я служу у Владыки, это несколько другое.

— Одного не пойму, — произнес Геб, хмурясь. — Даже если Джаконда со своими душителями прибыла сюда из-за шамана... Он занимается некромагией, постоянно проводит опыты в своей башне... Ну, допустим, ему понадобилась эта горная манна... вы ведь это хотели мне сказать?

Старик кивнул.

— Хорошо, для опытов шаману понадобилась манна, он дал знать Джаконде, и она привезла ему вещество. Мы следим за шаманом, поэтому они не могли встретиться открыто, и Джаконда выжидала удобного случая. Да, это похоже на правду. Но зачем ее мальчикам убивать кого-то? Зачем привлекать к себе внимание, зачем вообще высовываться? Они могли бы поселиться в Пепельном квартале — там бы мы их никогда не нашли. Все, что им нужно, — передать манну Темно-Красному, получить плату и убраться восвояси.

— Не забывайте, они не люди. Если Джаконда еще способна соотносить свои поступки с окружающим, то ее мальчики... Быть может, убийства для них — естественное поведение в таком месте. Впрочем, не думаю, что ведьма взяла сюда всех своих учеников. Зачем они ей здесь? Скорее одного или двоих, для охраны. Иначе убийств было бы больше.

— Что значит «естественное поведение в таком месте»? В каком таком месте?

— В Горах Манны никто не живет, — повторил старик. — Там просто некого убивать, понимаете? Но попав в город, где вокруг множество людей, они не могут подавить свои склонности. Как волк не может не убить, если вдруг попал в овечий загон. Я не утверждаю, капитан. Я предполагаю.

Уже шагнув на мостовую, Геб возразил:

— Есть и другое предположение. Возможно, тела для чего-то нужны шаману. Для опытов. И Джаконда не только привезла ему эту вашу манну, но и добывает для него мертвецов.

— Интересная идея, — согласился Архивариус. — Да, пожалуй, это вполне вероятно. Вы давно не заглядывали ко мне, капитан. Приходите как-нибудь вечером на партию «чарика», я расскажу вам про шаманов из диких земель.

Трилист Геб кивнул, захлопнул дверцу и сказал сидящему на козлах кучеру:

— Трогай.

Когда карета уехала, он быстрым шагом направился в противоположную сторону.

Фору еще называли Городом-На-Горе, и караульная городской стражи стояла ближе к вершине. Когда Трилист Геб приблизился к ней, двери распахнулись и навстречу выскочил дородный сержант по имени Крукол.

— Кажись нашли их берлогу! — выкрикнул он. — Всего в двух кварталах отсюда!

За сержантом высыпало несколько стражников. Увидев капитана, они остановились, но Трилист приказал: «Крук, веди» — и вскоре уже группа вооруженных протазанами, дубинками и мечами мужчин быстро шла прочь от караульной.

По дороге сержант рассказывал:

— ...Они случайно увидели шамана. Он вышел из дома с мешком и тут же куда-то подевался. Это Энгибо, Борджа и Саварзар. Они стали соображать, что это означет — ведь мы следим за башней Джудексы, как он смог выбраться незамеченным? — и вдруг в окне того дома, из которого он вышел, появилось какое-то чудное существо. Борджа побежал сюда, а те двое остались.

— Что за дом? — спросил Трилист.

— Дом чара.

— Даже так?

Чарами в городе называли тех, кто обладал магическими способностями.

Завидев перед собой толпу стражников, прохожие поскорее освобождали дорогу. Вокруг были срединные кварталы, дома здесь по большей части принадлежали небогатым ремесленникам и не слишком преуспевающим чарам.

— Далеко еще? — спросил капитан, когда они выскочили в переулок, за которым начинался пустырь. — Постой, так ведь башня шамана неподалеку!

— Дом чара тоже на пустыре, — откликнулся тяжело дышащий Крукол.

На середине пустыря возвышалась двухэтажная каменная постройка, вокруг нее все заросло бурьяном. Перед входом маячили двое караульных. Рядовой Саварзар, совсем недавно принятый в стражу, стоял, беспокойно поглядывая по сторонам, а рядовой Энгибо, ветеран, прослуживший уже много лет, сутулясь, сидел на сломанном бочонке.

— Разойдитесь, — приказал Геб пришедшим с ним стражникам. — Вокруг дома, попарно.

Саварзар увидел их и тронул за плечо Энгибо. Тот оглянулся, встал с бочонка.

— Никто не выходил! — возбужденно заговорил новичок, когда капитан с сержантом приблизились. — Я хотел внутрь, чтоб разобраться с ними, а он не пустил. Я хотел... Надо через окно, а потом...

— Правильно не пустил, — перебил сержант и обратился ко второму рядовому. — Это точно был шаман?

Энгибо, невысокий жилистый малый, мрачно жевал табак.

— Ага, — пробормотал он, сплевывая в траву. — Что я, не различу...

— Шаман, вправду он! — подхватил Саварзар. — Здоровый такой, страшный, волосы черные... Вышел отсюда с мешком, по сторонам зыркнул и дал деру. И дверь, вон, видите, дверь до сих пор приоткрыта...

Трилист спросил:

— Так почему вы под окнами торчите, на виду?

Саварзар замер с раскрытым ртом, а Энгибо пожал плечами.

— Дурни потому что, — разъяснил Крукол. — В окне вы кого увидели?

Рядовой затараторил:

— Вроде человек, но не похож на человека. И маленький. Мальчонка вроде. Ну или юнец. Он быстро мелькнул, мы не разобрали.

— Главное, он там висел, — буркнул Энгибо.

— Как это? — удивился Крукол.

— Так просто — висел, и все тут.

— Мы удивились — страх! — продолжал Саварзар. — Глядим: маячит. Пригляделись: вроде не на полу стоит, а прям висит над ним, прям за окном... — полуобернувшись, он ткнул рукой в одно из окон верхнего этажа. Сержант и капитан поглядели туда — все окна были темными.

— Хотя, наверно, он держался за что-то, — раздумчиво добавил Энгибо.

Саварзар запротестовал:

— Та не, где ж держался! Я бы заметил. Я бы...

Ясно было, что новичок сильно напуган. Энгибо, хоть виду и не подавал, но, конечно, тоже боялся, потому что понимал: в гости к Джаконде первыми предстоит идти именно им.

— Мальчонка, значит. А хозяева дома не появлялись? — спросил сержант.

Саварзар замотал головой.

— Не, никого. Может, убили их? Ведьма эта со своими душителями? Что теперь делать будем? Может, подожжем? А, не, оно ж каменное! Ну тогда, может...

— Так, рядовой, заткнись, — распорядился сержант Крукол.

Они с капитаном огляделись. Солнце садилось, от окрестных домов на пустырь напозлали тени. Остальные стражники рассредоточились вокруг дома.

Сержант произнес:

— Надо быстрее. Сейчас стемнеет, тогда хуже будет.

— Они пусть там стоят, — сказал Геб. — Пусть караулят, и если кто-то из окна выскочит, не дадут ему уйти. Мы вчетвером — внутрь.

Крукол кивнул, Энгибо сморщился и опять сплюнул в траву. Саварзар шумно вздохнул. Сержант махнул рукой, и окружившие дом рядовые достали из ножен палаши.

Геб тоже обнажил свой палаш. Его оружие было куда лучше, чем у других стражников. Гарда — чашка с узором и защитными дужками, хорошо закрепленная на хвостовике клинка рукоять, дорогой металл и очень острая кромка на заточенной стороне.

Сержант пробормотал:

— Непонятно мне. Эти олухи под окнами торчали на самом виду — почему Джаконда со своими мальчонками на них не напала?

— Я сейчас с Архивариусом разговаривал, так он сказал, что они теперь не как люди. Думают иначе, чем мы. Может, для них это естественно — затаиться, зная, что их выследили.

— Естественно... — протянул Крукол. — Ладно, пошли. Энгибо, ты первый.

Ветеран городской полицейской стражи угрюмо кивнул, словно заранее знал, что именно ему выпадет эта честь. У Энгибо и Крукола были дубинки, у Саварзара — новенький протазан с блестящим наконечником.

Шелестя травой, они подступили к дверям. Энгибо приник к щели и смотрел так долго, будто решил провести в этом положении остаток вечера, дожидаясь, когда Одноглазая Джаконда вместе со своими мальчишками скончается сама собой, от скуки. В конце концов сержант слегка подпихнул его, Энгибо приоткрыл дверь, оглянувшись с видом мученика и ступил внутрь. За ним вошел Крукол, следом Геб, потом Саварзар. Первые трое двигались медленно и бесшумно, а Саварзар тут же зацепил притолоку наконечником — звон разнесся по просторному полутемному холлу с широкой лестницей и пыльными углами. Остальные замерли, не оборачиваясь, и выражения их спин были такими многозначительными, будто все трое беззвучно задавали вопрос: «Ты что, рядовой, опупел?» Саварзар смешался и закашлялся.

Некоторое время они стояли в полной тишине. Ничто не двигалось, из-под лестницы — там виднелась приоткрытая дверь — и со второго этажа не доносилось ни звука.

Трилист Геб показал на Крукола, на Энгибо, махнул рукой. Сержант и рядовой кивнули. Геб, поманив Саварзара, направился к двери. Новичок, выставив перед собой протазан, нагнал капитана и пошел рядом, в то время как остальные двое двинулись к лестнице.

Геб шел медленно, внимательно глядя по сторонам. Здесь везде были паутина и пыль. Интересно, куда подевался хозяин дома, чар? И слуги?

Крукол с Энгибо стали подниматься по ступеням. Капитан приостановился, кивком показал на дверь. Саварзар недоуменно замер. Трилист ухватил его за плечо, притянул к себе и прошептал: «Открой ее копьём».

Лицо Саварзара просветлело, он вытянул вперед протазан, просунул наконечник в дверь и нажал, раскрывая ее. Капитан кивнул. Тем временем Крукол и Энгибо, идущие совсем медленно, добрались до четвертой ступени. У широкой деревянной лестницы были массивные резные перила, рядовой шел ближе к левой стороне, сержант — к правой.

Капитан глазами показал новичку на раскрытую дверь и сделал шаг к ней. Сверху раздался вопль.

Очень мало человеческого было в этом вопле. Скорее он напоминал гудок сигнального рога, куда вплетается клекот пришедшей в ярость крупной птицы.

Капитан вскинул голову, глядя на мальчика-душителя, — тот стремительно слетал по перилам, головой вниз. Белые как снег длинные волосы развевались; существо мчалось на четвереньках, невероятным образом удерживаясь при помощи коленей и рук. В первое мгновение Гебу показалось, что мальчик зарос шерстью, но потом капитан понял, что на нем одежда из шкур.

Сбитый с ног Энгибо покатился по ступеням. Крукол, прыгнув с другого края лестницы, опустил на спину мальчика дубинку. Раздался хруст. Энгибо уж распластался на полу. Мальчик свалился под ноги Крукола, подпрыгнул, растопырив конечности, — сержант отлетел от него, ударился о противоположные перила. Душитель рухнул на ступени, вновь издал гудящий вопль, попытался встать, но подскочивший сержант обрушил дубинку ему на голову.

Что-то ударило Геба с такой силой, что он упал на колени. Рядом возникло лишенное всякого выражения очень худое юное лицо. К горлу вставшего столбом Саварзара протянулись белые пальцы, раза в два длиннее, чем у обычного человека, растопыренные, тонкие, как веточки. Они ухватили рядового за шею. Саварзар глухо замычал. Геб, вскочив, рубанул палашом — четыре отсеченных пальца полетели на пол. Мальчик загудел и бросился прочь, капитан махнул оружием над полом, но не попал — душитель перепрыгнул через клинок и взлетел на стену. Лишенный части пальцев, удержаться он на ней не смог и перескочил через головы стражников на середину холла. Помчался к дверям. Оттуда уже доносились голоса тех, кто остался снаружи, и топот ног.

Саварзар стоял неподвижно, Крукол спускался, за волосы волоча мертвого душителя. Энгибо ковылял к капитану. Геб сунулся в дверь, тут же упал и снова вскочил; в те несколько мгновений, пока он лежал, над ним пронесся арбалетный болт. Ноги у капитана были длинные, руки тоже. Он бросился вперед, делая гигантские шаги, с криком вытянув перед собой палаш, — и вонзил острие в живот Одноглазой Джаконды.

Она сидела на высоком табурете посреди кухни, со здоровенным арбалетом в руках. Длинные, прямые, очень белые волосы, алые тонкие губы, провал на месте правого глаза — все это на мгновение мелькнуло перед Гебом, пока он протыкал живот Джаконды и сбрасывал ее с табурета. Позади ведьмы лежало несколько трупов слуг, большой кухонный стол был залит кровью.

Табурет перевернулся, Джаконда упала спиной на пол. Геб встал над ней, высвободив палаш, нагнулся, разглядывая худое тело, кровь на животе под распахнутым меховым жилетом... Руки ведьмы взметнулись, и костяшки согнутых пальцев ударили капитана в глаза.

Трилист, вскрикнув, отшатнулся. Он на мгновение ослеп. Присел, не видя, куда бьет, наотмашь махнул палашом, выпрямился, получил второй удар в лицо и наконец сквозь слезы смог различить фигуру перед собой. Ведьма шагнула к нему, но споткнулась о свой арбалет. Капитан, сжимая палаш обеими руками, нанес удар.

И отсек голову Одноглазой Джаконды.

Когда они вывалились из дома, под дверями одна половина рядовых помогала подняться другой половине. Еще двое стояли в отдалении на краю пустыря, рядом с каким-то незнакомцем. Стражники растерянно ругались.

— Что случилось? — заорал Крукол. — Где мальчонка?

— Убег... — пробормотал один рядовой, потирая грудь. — Расшвырял нас и убег.

— Убег?! Мы, сержант с капитаном, завалили двоих, душителя и саму Джаконду, а вы, шестеро бугаев, не смогли справиться с одним?! — И без того красное лицо Крукола стало свекольным.

— Так на то вы и сержант с капитаном, — ответили ему.

Тогда Крукол тоже начал ругаться. Сержант происходил из небогатой семьи ремесленника, в юности его отдали в семинарию, а после папаша его разорился, и Круколу пришлось семинарию бросить. Чтобы кормить семью, он поступил на службу в городскую стражу. В результате речь его всегда казалась Трилисту немного странноватой: Крукол ухитрялся совмещать длинные, иногда довольно таки заковыристые фразы с чисто сержанской манерой изъясняться. Да и ругаться он умел лучше многих других: уши сворачивались, желтели и опадали.

Рядовые смущенно огрызались, показушно стонали и пытались вправить свои якобы вывихнутые конечности. Энгибо, усевшись на бочонок, вновь с мрачным видом жевал табачную жвачку. Саварзар, выпучив глаза и держась за шею, бесцельно бродил вокруг. Новичок часто икал, его покачивало. Трилист Геб пригляделся к тем двоим и незнакомому человеку, что стояли на краю пустыря.

— Мальчонка! — орал Крукол. — Душитель! Убег! Вшестером — одного мальчонку!..

— Да никуда не делся твой мальчонка, — в конце концов сказали ему. — Вон он валяется.

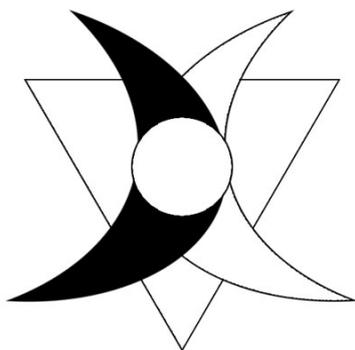
Трилист уже направился к троице на краю пустыря. Подойдя, он увидел лежащего на спине мальчика-душителя. Что-то странное произошло с его лицом — собственно, оно теперь мало напоминало лицо. По нему будто вмазали тараном, при помощи которого захватчики обычно пытаются проломить ворота осаждаемого замка. Капитан перевел взгляд на двух рядовых и незнакомое толстяка, стоящего рядом.

— Это вы его так? — спросил он. — Молодцы.

— Не-е... — протянул один стражник. — Он того... как выскочит, как всех расшвыряет...

— Да как поскачет по траве, — добавил второй. — Мы за ним. Но мы бы не догнали. Это вот он. — Рядовой показал на толстяка. — Просто мимо шел, вдоль пустыря. Я ему кричу: задержи! Задержи, кричу, этого мальчика, убийцу и душителя! Ну, он и того... задержал.

Капитан вновь посмотрел на душителя: лицо его было вроде как размазано по черепу. Геб внимательнее, с пробуждающимся интересом пригляделся к незнакомцу. Совсем бедно одетый, почти в обносках. Голова обрита, лишь на макушке круг волос. Парень, с виду довольно молодой, отличался завидными объемами. Хотя это была не вялая тучность, как у какого-нибудь богатого торговца. На правом запястье Геб увидел рисунок-татуру: два полумесяца на фоне пирамиды с кружком в центре.

Тонкие синие линии четко проступали на коже. Капитан оглядел парня с ног до головы, не заметил оружия и спросил:

— Чем ты его ударил?

Толстяк молчал, тупо пялясь на Геба.

— Так эта... — сказал один из рядовых. — Кулаком же.

— Не ври.

— Не, я эта... не вру же. Вправду, навернул его кулаком. Я ж, говорю, закричал: держи мальчонку, — ну он и...

— Тебя как звать? — спросил Трилист.

Толстяк вытянулся, прижав руки к бокам и выпятив живот. Помолчал, будто собираясь с мыслями, пошевелил губами. Затем стукнул себя кулаком в грудь и рявкнул:

— Вач!

— Что? Вач? Хорошо...

Капитан устал. Слишком много воспоминаний накопилось в голове, слишком много людей ему приходилось видеть каждый день службы, слишком много событий и происшествий — перепутавшиеся образы отягощали утомленное сознание.

Он медленно, глубоко вздохнул, затем неспешно выпустил воздух из груди. Все волнения последних дней, когда начали исчезать горожане и стало известно, что в город прибыла сама Одноглазая Джаконда, ночные бдения, поиски, слежка за шаманом Темно-Красным Джудексой — все это отступило куда-то далеко. Дом, пустырь вокруг, фигуры стражников, улицы и здания Форы — весь мир потускнел, отдалился и стал неявным, *несущественным*. Для чего я занимаюсь этим вот уже столько лет, почему должен защищать кого-то, что заставило меня взвалить на себя ответственность за других, почему я несу ее, словно хромоногий карлик-калека — тяжелый, кренящий к земле горб? Трилист поднял глаза: на фоне темнеющего неба высилась огромная пирамида, занимающая вершину горы. Вокруг громады плескалось сияние, стекало по каменным стенам к подножию. Он смотрел долго, не шевелясь. Время остановилась, звуки смолкли. Геб растворился в прохладном воздухе тихого вечера; наползающие сумерки приняли его в себя и укрыли от всех тревог, что беспрерывно одолевают того, кто служит капитаном полицейской стражи в столице огромной, разваливающейся империи. Дома и мостовые, колодцы, конюшни и сараи, хоромы знати и лачуги бедноты, караульни, башни, скотные, птичьи и постоянные дворы, трактиры, темницы, жилища чаров — Острог-На-Костях, Наледь, Солнечное Око — все материальные свидетельства человеческой жизни пропали; капитан Геб провалился в пустоту. Мир потускнел, и лишь здание на вершине сияло, слепя глаза. Не ведьма, пробравшаяся в город, и не шаман... Главная угроза шла от пирамиды.

Усилием воли вернув свое внимание к происходящему вокруг, Трилист перевел взгляд на толстяка и задал следующий вопрос:

— И где ты служишь, Вач?